

Нефункциональные локальности городской среды

И. В. ГИБЕЛЕВ

(МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИКО-СТОМАТОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. И. Евдокимова)

Опыт пространства, складывающийся в современной городской среде, существенно отличается от пространственных образов традиционного мировосприятия. В связи с этим в статье рассматривается проблема функционализации городских пространств и предпринимается попытка рассмотреть локальные фрагменты городской среды, в которых можно обнаружить нефункциональные пространства восприятий, опыта, рефлексии.

Функционализация городского пространства означает, что в коммуникации и мобильности, землепользовании и организации пространств, экономике и культуре акцентируется возможность их прагматического использования в ущерб многообразию их форм и реализаций. Результатом этого становится уменьшение общедоступных мест рекреации, клишированность моделей самоидентификации человека в городе, увеличение барьеров самореализации и умножение имитаций социального и культурного действия. В статье развивается тезис, согласно которому поиск нефункциональных локальностей зависит от типа видения, конституируемого в пространственной или временной онтологии.

Материалом описания являются малые скульптурные формы детских дворовых площадок. «Неподручность» и нефункциональность этих форм актуализирует такой тип видения, как незаинтересованное созерцание. Феноменологический анализ созерцания малых скульптурных форм позволяет сделать вывод о присутствии метафизических смыслов в экзистенциальном переживании опыта городского пространства.

Ключевые слова: функциональность, городская среда, пространство двора, скульптурные формы, философия города.

ЛОГИКА ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

Принцип функциональности сегодня находит применение в различных областях научной теории и практики. Потому закономерно, что по мере его расширения становится настоятельным высматривание контекстов, в которых функциональное нашло бы свой предел. В качестве дефиниции, от которой удобно оттолкнуться для возможной демаркации функциональности и нефункциональности в современной культуре, воспользуемся определением Ж. Бодрийяра. Он утверждает, что «функциональным именуется отнюдь не приспособленное к некоторой цели, но приспособленное к некоторому строю или системе; функциональность есть способность интегрироваться в целое. В случае же вещи это не что иное, как способность преодолеть свою “функцию” ради какой-то вторичной функции, способность стать элементом игры, комбинаторной исчислимости в рамках всеобщей системы знаков» (Бодрийяр, 1999: 72). Из этого определения можно вывести два значения функциональности — то, что способствует некоторой систематизации, и то, что вступает в игровые отношения во вселенной знаков.

Далее в статье я буду исходить из знаковой предпосылки опыта и рефлексии, применяя «целесообразное» понимание функциональности для подходящих случаев. Хотя развитие современной гуманитарной науки проходит под знаком «поворота к материальности вещи» (Социология вещей, 2006), языковая парадигма анализа сохраняет устойчивость. Ее укорененность следует связать с экзистенциальным устроением человеческой конституции, и, как бы ни хотелось преодолеть жесткие границы бинарности, реальных возможностей к этому у человека нет. Вообще, опыт, рассмотрение, переживание, анализ вещи предполагают операции отличения, отстранения, опознания. Поэтому если телесный опыт пространства можно представить в качестве непосредственного переживания и даже обнаружить в нем сло-

жившуюся историю, то его перевод в план сообщения неизбежно потребует означивания и трансляции, т. е. обнаружения репрезентации и символичности. В этой связи под репрезентацией я понимаю такое воспроизведение, в котором выстраивается взаимодействие с предстоящей вещью, а символическое понимаю как связь, репрезентирующую некое отношение.

Сказанное не означает, что функциональность разворачивается исключительно в плоскости языкового знака. Знаковый подход к функциональности может быть только широким и служит условием понимания стратегий регламентации рационального и экстатического поведения человека, одним из мест реализации которых становится городское пространство.

Современные исследователи находят область присутствия функциональности при изучении таких городских макроструктур, как агломерации, микроструктуры городской повседневности, а также в бюрократической и коммерческой организации городского пространства. Общее, что их объединяет, — организация функционального восприятия пространства и формирование имитационной городской среды.

Так, К. Линч утверждает, что «агломерация превратилась в функциональную единицу окружения, среды в целом, — выделяя при этом, — фундаментальные функции, выражаемые формой города: систему коммуникаций, тип землепользования, основные центры» (Линч, 1982: 107). Функциональная организация городской повседневности подвергается критике Ф. Броделем, А. Лефевром, М. де Серто, П. Акرويدом и др. В функционалистском ключе пространство города рассматривается в концепциях нового урбанизма. Практики создания городских креативных зон и построения креативности в организации также связаны с функционализацией социальных и экономических отношений (Койл, 2005; Кук, 2007; Флорида, 2007; Morgan, 1993). Отсутствие одного четкого центра, рассредоточение производственных, торговых и рекреативных зон в различных районах города (и одновременно их консолидация в пределах торговых центров), значимость быстрого перемещения из одной части города в другую, повышение роли технических коммуникаций, различные «симбиозы» человека и неорганических форм (например, человек и офис, человек и транспорт, человек и гаджеты) — все это характеризует пространство и возникающую в нем городскую среду как посттрадиционную и постиндустриальную (Bridge, 2005). Это позволяет под функциональностью в ее приложении к городской среде понимать такой аспект городского пространства, в котором смысловое значение социальных, экономических и культурно-символических связей имманентного и трансценденции ослабляется, уступая место многообразным имитационным репрезентациям и симуляциям (даже если речь идет о конструировании или реактуализации сакральных мест и пространств).

В урбанистике можно выделить три сложившихся подхода к функциональности городской среды. Во-первых, это «городской менеджеризм» (Трубина, 2013: 316–320), подчеркивающий важность политических и экономических интересов элит. Во-вторых, это концепции, которые противопоставляют навязанным рутинным операциям и действиям массовое или индивидуальное сопротивление (В. Беньямин, А. Лефевр, М. де Серто, М. Фуко, Ф. Джеймиссон). В-третьих, концепции критической теории дискурса и когнитивные исследования, ограничивающиеся, однако, выявлением структур микровласти.

Тот факт, что макротеории городов подвергаются критике со стороны концепций не-репрезентативности (Н. Трифт), еще не означает, что репрезентация, как входящая в элементарную структуру опыта, недействительна. Скорее наоборот, именно репрезентативный аспект выражает характерную временную черту жизни современного города. Это связано, по моему мнению, во-первых, с коммерциализацией городского пространства: например, создание уникальных городских зон, уникальности города в целом, конструирование его культурно-исторической идентичности — как бы по контрасту с глобальной коммерциализацией — находит многообразные репрезентации от письменных текстов до памятных сувени-

ров. А во-вторых, с симбиозом рационально выверенного маркетинга и символической составляющей городов. «Символическое» в таком случае трансgressирует к функциональности символического капитала современных маркетинговых стратегий (об этом пишут Ш. Зуккин, С. Лэш, Дж. Урри). Если при этом учесть количество информации, которую современный город обрушивает на своих горожан, то ее перенасыщенность как бы *одновременно обесценивает и увеличивает значимость символических пространств*.

Если такая одновременность в самом деле действительна, то ее внутренняя рассогласованность указывает на существенные сдвиги в социокультурном измерении городской среды. Связать рост значимости символического можно с рекапитализацией пространства как региона социальной онтологии европейской культуры, а инфляцию символического — с инфляцией онтологического региона времени. Здесь имеется в виду следующее. Пространственное понимание человеком мира и самого себя появляется в мифологическую эпоху и в качестве культурной доминанты в форме организации знания продолжает существовать до эпохи Нового времени, а в обыденном знании современности (и в массовой научной литературе) и поныне (Румянцев, 2005: 57–68). Пространственная парадигма понимания ориентирована на такую представленность мира в человеке (его рефлексии, экзистенции), в которой предполагается, что мир есть простая данность, что он являет себя без рефлексивного и экзистенциального усилия человека, его авторской ответственности. Таким образом, представление о городе как функциональной единице или его функциональных локальностях увязывается с пространственным пониманием человека и его культуры.

В свою очередь, «время города» — это становление человека субъектом истории, и состояться вне преемственности полисной общности оно не может. Неудивительно, что для урбанистики темпоральность города в качестве культурной проблемы отходит на второй план, а если и говорится о длительных и коротких промежутках городской жизни, то они видятся сквозь призму пространственного взгляда. Поэтому представление о городе как нефункциональном образовании следует связать с открытием истории во временных, а не пространственных концептах, в культур-субъектной логике становления городской среды, истоком чему послужил античный полис. Существенным обстоятельством, ограничивающим возможность временного разворачивания истории городов, служит как раз функциональное использование городских пространств, их коммодификация (превращение в места потребления). Понимание временного горизонта истории культуры (что было совершено в античном полисе) производно от открытия горизонта трансцендентного иного, связано с открытостью человека (там же: 52).

Эта открытость жителю современного города (вероятно, и самому городу как феномену культуры) все менее доступна. Дело вовсе не в дефиците сакральных пространств. Сложность концептуализации открытости городской среды имеет сугубо философские основания, фундаментирующие культурную и социальную многообразность, проблема — в дефиците открытости как ресурсе европейской культуры. Затмение горизонта иного ослабляет продуктивность дистанции различных культурных и социальных форм, унифицирует возможное многообразие инаковых друг другу символических пространств. Город как маркетинговый проект, вовлекающий в свою орбиту культурные смыслы в качестве возможных сегментов капитализации, — этим и занят проект построения креативных пространств. В этой связи уплотнение символического пространства проявляется как сильная концентрация символических единиц, репрезентирующих пространственный вектор культурно-исторической саморепрезентации города. В качестве таких единиц город может использовать свою историю, воплощенную в его городской телесности: от архитектурных сооружений, улиц, парков до подземных коммуникаций, а также в рекламе, различных акциях и мероприятиях, дизайне городской среды.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ НЕФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ

Представление о нефункциональности, приостанавливающей повседневность, свойственно философским поискам Э. Финка, Н. Гартмана, М. Хайдеггера: предмет выявляет свою нефункциональность, когда перестает быть подручным. Он ломается, приходит в негодность или же он назойлив.

В случае, о котором сейчас пойдет речь, в роли такого предмета выступает *малая скульптурная форма*, которую еще можно отыскать во дворах «хрущевской застройки». Аспект исследования, переходящий от обзорного рассмотрения принципа функциональности в урбанистических концепциях к конкретному материалу, предполагает, что его изучение предоставит обоснование возможного типа видения (незаинтересованного созерцания) в повседневной городской среде. Тем самым предполагается, что вещи обыденной повседневности не являются лишь таковыми не потому, что могут быть трансцендированы, а в силу воплощенной в их материальности стихии трансценденции.

В качестве конкретного материала избраны малые скульптурные формы, расположенные на детских площадках «хрущевских дворов». Они контрастируют подручности других предметов детского пространства дворовой площадки. Качели — для того чтобы качаться, песочница — чтобы играть в песке, лестница — чтобы по ней лазать, с горки можно катиться, на лавочке можно сидеть. К скульптурному изображению какого-либо героя приносят цветы, говорят торжественные речи, т. е. из него, по выражению М. Хайдеггера, «делают употребление» идеологических задач. Скульптурные формы, которые нас интересуют (самая распространенная — персонажи советских мультфильмов, например Крокодил Гена и Чебурашка, скульптуры животных), нефункциональны, прежде всего потому, что неподручны, за редким исключением, когда дети (или ребенок) вступают с ними в непосредственное отношение. Однако это не та же «подручность», что и подручность повседневных предметов, поскольку из нее нельзя сделать употребления, она служит для трансцендирования повседневности.

Материалом скульптурных фигур служит железобетон. Дети не могут играть с ними. Вообще, эти скульптуры не входят в логику детской игры. Можно отметить и особую пластику этих скульптур. Они тяжеловесны, массивны, обездвижены, а их формы устойчивы, не текучи, они эссенциальны. Линии их форм мягки, плавны. Можно говорить о барочности этих фигур. В разных районах города, в разных городах (провинциальных прежде всего) встречается разное отношение коммунальных служб к скульптурам. Иногда они позаброшены, искрошились, иногда же реставрированы, перекрашиваются в яркие ядовитые цвета или даже (как в казахстанском городе Костанай) устанавливаются впервые. Забота о скульптурной форме двора, как понятно, есть забота муниципальных служб или небольших бизнес-сообществ, озаботившихся созданием символического капитала, из ресурса, который по иронии, на деле, потерял капиталоемкость.

Малые скульптурные формы двора больше не соразмерны течению актуального социального времени. Эти фигуры не предполагают в своем отношении целенаправленного движения в сторону функционализации, как раз наоборот — их нефункциональность трансцендирует рутинную повседневность.

Пространство и время, связанные с такими скульптурными формами, задают логику неповседневного, можно сказать, что они и есть трансцендентная граница мирского и иномирного. Вступая во взаимодействие с подручными предметами, они усложняют ритмическую картину двора в целом.

Вообще зооморфность «хрущевского двора» противостоит антропоморфности фигур в пространстве функциональной среды — ростовые куклы, любые антропоформные фигуры торговых центров. Современная культура рецептирует и переосмысливает мифологическое

наследие: во дворах новой застройки теперь вообще нет никаких скульптурных форм. Современные фигуры сделаны из новых синтетических легких материалов (смыслы материи пластмассы подробно описаны Ж. Бодрийаром). Организация детской площадки ограничивается пластмассовыми горками и песочницей.

Предположим, что названные статуи выполняют работу удержания метафизического смысла в городском пространственном микроконтексте, осуществляя действие нечеловеческих сил в городской среде (Thrift, 2008: 80). В нашем случае в речи о метафизике не подразумевается воздействие или какое-нибудь непосредственное восприятие мистических, трансгуманных или материальных факторов человеком. Понимание метафизического, которое мы используем, можно показать, оттолкнувшись от определения П. Тиллихом «предельной заботы», это, поясняет теолог, *«то, что определяет наше бытие или небытие»* (Тиллих, 2000: 21). Если оставить напряжение предельности в мире, освободившемся от трансцендентного Бога, то этим формальным действием будет показано предварительное понимание метафизики в нетрансцендентности. Это, согласно Ж.-Л. Нанси и Дж. Агамбену, некое указание на присутствие отсутствующей полноты бытия. Отсутствующая полнота бытия в таком случае присутствует как перформатив, т. е. являет себя к присутствию в актах ее языковых объявлений или остенсии, совершаемых вне рефлексивности.

Отсюда видно, что не всякая вещь открывает дорогу восполнению бытия в мире. В таком случае малые скульптурные формы представляют собой субституты статуй божеств. Если здесь нельзя говорить о теофании, то эпифания совершенно очевидна. Но наличие этих скульптур и выполняемая ими работа трансцендирования еще не свидетельствует о действительно успешной с ними коммуникации человека.

В таком случае какая форма коммуникации нам доступна? По всей видимости, это незаинтересованное созерцание. Если бы мы обратились к Плотину с вопросом прояснения существа незаинтересованного созерцания, то нашли бы, что созерцание свойственно не только человеку и духам, но даже камню и земле, поскольку и они, принадлежа Мировой Душе, обладают частью разумной жизни. Перспектива нашего взгляда иная и связана с кантовским пониманием созерцания как деятельности чистого разума. Труд, вкладываемый в экспликацию предметности через незаинтересованное созерцание, во-первых, выступает условием раскрытия трансценденции, во-вторых, предлагает возможность построения общительности, которая в своем гражданско-общественном статусе начинается с устройством первичных социальных связей (чему прежде способствовало пространство двора), поскольку солидарные формы могут быть построены человеком, становящимся субъектом культуры, что как раз и невозможно вне горизонта трансцендентного иного. Эта взаимозависимость имеет сложную структуру и в пределах данной статьи не может быть продемонстрирована, для этого можно обратиться к работе «Метаморфозы разума в европейской культуре» (Румянцев и др., 2010).

Достаточно ли нам удовлетвориться комфортными социальными связями, построенными на функциональности? Очевидно, что функциональности в качестве условия, восполняющего онтическое существование до онтологического целого, совершенно не хватает. Обнаруживая ли, конструируя нефункциональности, отдаваясь на волю мира (уж точно нефункционального), мы удерживаем в городской среде присутствие идеальных целей европейской культуры.

Видение такой идеальной цели «за спиной» или в самой материальности описываемых скульптурных форм вовсе не есть лишь рассудочное видение-знание. Однако же оно и не может быть не-интеллектуальным, поскольку предстает как одновременность синтеза и различия интеллектуальной интуиции и непосредственности переживания. Однако у человека нет видения такой одновременности.

Поэтому мы имеем дело с *различными типами видения* в структуре незаинтересованного созерцания конкретного фрагмента городской реальности. Видение, направленное на раскрытие воплощенной трансценденции в материальности малых скульптурных форм, феноменологическое и, более того, онирическое. Г. Башляр определяет онирическое как «имеющее отношение к сновидениям и “дневным грезам”» (Башляр, 1998: 12). Ссылаясь на Л. Тика, он пишет: «...в человеческих снах усматривается преамбула красоты природной. Единство пейзажа проявляется как сбывшийся, много раз виденный сон» (там же). Запредельный или божеский горизонт, который открывается из присутствия этих фигур, требует неоднократного возобновления созерцания. Пейзаж двора, в котором располагаются скульптуры, возникает каждый раз как бытийное явление: «онирический пейзаж — это не кадр, заполняющийся впечатлениями, это разбухающая материя» (там же: 12). Онирическое восприятие мира распространяется и в дневной мир повседневных отношений, наполненных социальными, экономическими и другими смыслами, поэтому онирический пейзаж разворачивается и как историчность мира.

Однако мой интерес не в смешении перспектив исследования (социологических, культурологических, экономических и проч.), а в рассмотрении того, что происходит на границе онирического и социального, онирического и культурного. Границу онирического и социального, на мой взгляд, диагностически точно определяет ситуационизм, поскольку его восприятие городских пространств перетекает в возобновляемый опыт незаинтересованного созерцания. Здесь можно видеть пример встречи «тактики» как особой модели поведения в понимании М. де Серто (тактика как способ повседневного сопротивления слабых, противостоящая стратегии) (де Серто, 2005: 80–87) и не-функциональности предмета в смысле концепции самодеятельного преобразования материи Г. Башляра. В таком случае нефункциональные локальности предстают как суб-пространства, альтернативные функциональной городской среде. Тяжеловесность, массивность скульптурных форм, на которые мы обратили внимание, коррелирует с пониманием материальных факторов как преодолевающих свою материальность (самораскрывающихся), открывая в ней некие ино-материальные измерения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Башляр, Г. (1998) Вода и грезы. Опыт о воображении материи. М. : Изд-во гуманитарной литературы. 268 с.
- Бодрийяр, Ж. (1999) Система вещей. М. : Рудомино. 224 с.
- Койл, Д. (2005) Секс, наркотики и экономика. Нетрадиционное введение в экономику. М. : Альпина Бизнес Букс. 383 с.
- Кук, П. (2007) Креатив приносит деньги. Минск : Гревцов Паблшер. 384 с.
- Линч, К. (1982) Образ города. М. : Стройиздат. 328 с.
- Румянцев, О. К. (2005) Манеры целеполагания как проекты времени культуры // Теоретическая культурология. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга ; РИК. 624 с. С. 51–72.
- Румянцев, О. К. (2010) Метаморфозы разума в европейской культуре / О. К. Румянцев, М. Б. Туровский, Л. С. Черняк, А. Ю. Шеманов. М. : Прогресс-Традиция. 648 с.
- Серто, М. де. (2005) По городу пешком // *Communitas*. № 2. С. 80–87.
- Социология вещей (2006) : сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М. : Изд. дом «Территория будущего». 392 с.
- Тиллих, П. (2000) Систематическая теология : в 3 т. М. ; СПб. : Университетская книга. Т. 1. 463 с.
- Трубина, Е. Г. (2013) Город в теории: опыты осмысления пространства. М : НЛО. 520 с.
- Флорида, Р. (2007) Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика XXI. 432 с.

Bridge, G. (2005) *Reason in the City of Difference: Pragmatism, Communicative Action, and Contemporary Urbanism*. L. ; N. Y. : Routledge. x, 178 p.

Morgan, G. (1993) *Imagination: The Art of Creative Management*. Newbury Park, CA ; L. ; New Delhi : Sage Publication. 347 p.

Thrift, N. (2008) *Non-Representational Theory. Space. Politics. Affect*. L. ; N. Y., Routledge. 325 p.

Дата поступления: 17.03.2014 г.

NON-FUNCTIONALIZED LOCALES IN URBAN ENVIRONMENT

I. V. GIBELEV

(MOSCOW STATE UNIVERSITY OF MEDICINE AND DENTISTRY)

The spatial experience of contemporary urban environment is significantly different from how space has been traditionally imagined. Building on this fact, the article discusses the issue of functionalizing urban spaces. We attempt to localize fragments of urban environment wherein non-functionalized spaces of perception, experience and reflection can be found.

Functionalization of urban spaces implies the emphasis on their pragmatic use at the expense of the variety of their forms and implementations in communication and mobility, land use and spatial organization, economy and culture. It leads to a decrease in the number of public recreational spaces and stereotypization of self-identification models within the city. Its other consequences are spiraling obstacles to self-actualization and more frequent imitation of social and cultural acts. The article advances a hypothesis that the search for non-functionalized locales depends on the type of vision constructed within an ontology of time or space.

The article takes a look at small sculpture in urban playgrounds. Non-functionality of this art form makes it possible to contemplate them disinterestedly. A phenomenological analysis of contemplating small sculptures has allowed us to conclude that metaphysical meanings find their presence in an existential feeling of urban spatial experience.

Keywords: functionality, urban environment, courtyard space, sculptures, philosophy of the city.

REFERENCES

Bachelard, G. (1998) *Voda i grezy. Opyt o vooobrazhenii materii* [Water and Dreams: An Essay on the Imagination of Matter]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury. 268 p. (In Russ.).

Baudrillard, J. (1999) *Sistema veshchei* [The System of Objects]. Moscow, Rudomino Publ. 224 p. (In Russ.).

Coyle, D. (2005) *Seks, narkotiki i ekonomika. Netraditsionnoe vvedenie v ekonomiku* [Sex, Drugs and Economics. An Unconventional Introduction to Economics]. Moscow, Alpina Business Books Publ. 383 p. (In Russ.).

Cook, P. (2007) *Kreativ prinosit den'gi* [Best Practice Creativity]. Minsk, Grevtsov Publisher. 384p. (In Russ.).

Lynch, K. (1982) *Obraz goroda* [The Image of the City]. Moscow, Stroiizdat Publ. 328 p. (In Russ.).

Rumyantsev, O. K. (2005) *Manery tselepolaganii kak proekty vremeni kul'tury* [Patterns of Goalsetting Manners as Projects of Cultural Time]. In: *Teoreticheskaia kul'turologiia* [Theory of Cultural Studies]. Moscow, Akademicheskii Proekt ; Ekaterinburg, Delovaiia kniga Publ. ; RIK Publ. 624 p. (In Russ.).

Rumyantsev, O. K. (2010) *Metamorfozy razuma v evropeiskoi kul'ture* [Metamorphoses of Mind in European Culture] / O. K. Rumyantsev, M. B. Turovskii, L. S. Cherniak, A. Yu. Shemanov. Moscow, Progress-Traditsiia Publ. 648 p. (In Russ.).

Certeau, M. de. (2005) *Po gorodu peshkom* [Walking in the City]. *Communitas*, no. 3, pp. 80–87. (In Russ.).

Sotsiologiia veshchei [The Sociology of Objects] (2006) : collection of articles / ed. by V. Vakhshstein. Moscow, Territoriia budushchego Publ. House. 392 p. (In Russ.).

Tillich, P. (2000) *Sistematičeskaja teologija* [Systematic Theology] : in 3 vols. Moscow ; St. Petersburg, Universitetskaja kniga Publ. Vol. 1. 463 p. (In Russ.).

Trubina, E. G. (2013) *Gorod v teorii: opyty osmysleniia prostranstva* [City in Theory: Essays on Rethinking Space]. Moscow, NLO Publ. 520 p. (In Russ.).

Florida, R. (2007) *Kreativnyi klass: liudi, kotorye meniajut budushčee* [The Rise of the Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life]. Moscow, Klassika XXI Publ. 432 p. (In Russ.).

Bridge, G. (2005) *Reason in the City of Difference: Pragmatism, Communicative Action, and Con-temporary Urbanism*. London ; New York, Routledge. x, 178 p.

Morgan, G. (1993) *Imagination: The Art of Creative Management*. Newbury Park, CA ; London ; New Delhi, Sage Publication. 347 p.

Thrift, N. (2008) *Non-Representational Theory. Space. Politics. Affect*. London ; New York, Routledge. 325 p.

Submission date: 17.03.2014.

Гибелев Игорь Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, медицинской биоэтики и гуманитарных наук Московского государственного медико-стоматологического университета им. А. И. Евдокимова. Адрес: 127473, Россия, г. Москва, ул. Деlegatesкая, д. 20, стр. 1. Тел.: +7 (495) 609-67-00. Эл. адрес: gibelev@yandex.ru

Gibelev Igor Vladimirovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Medical Bioethics and the Humanities, A. I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry. Postal address: 20 Delegateskaya St., Moscow, Russian Federation, 127473. Tel.: + 7 (495) 609-67-00. E-mail: gibelev@yandex.ru